

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ

**ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ПРИКЛАДНОЙ
И НЕОТЛОЖНОЙ
ЭТНОЛОГИИ**

№ 196

В.А. ТИШКОВ, Ю.П. ШАБАЕВ

**ФИННО-УГОРСКАЯ ПРОБЛЕМА:
ОТВЕТ ЕВРОСОЮЗУ**

**Москва
2007**

Документ № 196

В.А. ТИШКОВ, Ю.П. ШАБАЕВ
ФИННО-УГОРСКАЯ ПРОБЛЕМА:
ОТВЕТ ЕВРОСОЮЗУ

Об авторах

Валерий Александрович ТИШКОВ – член-корреспондент РАН, директор Института этнологии и антропологии РАН. Автор многих книг и публикаций в области этничности, национализма, конфликтов, этнологии коренных малочисленных народов.

Юрий Петрович ШАБАЕВ – докт. ист. наук, работает в Институте ЯЛИ Коми научного центра Уральского отделения РАН, Сыктывкар. Область научных интересов: этнополитология, этносоциология.

About the Authors

TISHKOV, Valery

Professor of History and Anthropology, Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Director of the Institute of Ethnology and Anthropology, author of many books and other publications in the area of ethnicity, nationalism, conflict and indigenous people studies.

SHABAEV, Yury

Ph.D. (Doctor of historical sciences), works at the Institute of Language, Literature and History of the Komi Academic Center, The Urals Branch of the Russian Academy of Sciences, in Syktyvkar. His fields of academic interests include ethnopolitics and ethnoscology.

Summary

**TISHKOV V., SHABAEV Y. THE FINN-UGRIC PROBLEM: THE ANSWER
TO THE EUROPEAN UNION**

This is a critic analysis of the Report by special representable of the Council of Europe Katrine Saks prepared as a part of monitoring situation with Finn-Ugric minorities in Russia. The authors disclose policized anti-Russian background of construction of the so-called Finn-Ugric problem. This issue has been initialed by politians and experts from Estonia, Hungary and Finland together with ethnonationalistic public activists from Russia's republics. The critic of Russia is based on outdates and antidemocratic approaches to the very issue of cultural diversity and on distorted data about demographic social and political status of this part of the country's population. The main thesis on "dying out" of Finno-Ugric people and their culture ignores positive changes of the last decade. The Saks' Report is a piece of politics, not scholarship at all.

ВВЕДЕНИЕ

Полиэтнический и поликонфессиональный состав населения России требует от федеральных и от региональных властей постоянного и вдумчивого анализа ситуации, складывающейся в сфере этноконфессиональных отношений, осуществления эффективной этнонациональной политики. Не без серьезных проблем, но эта задача решается. Безусловно, этнонациональная политика в целом, а особенно политические практики региональных властей не всегда последовательно демократичны и научно обоснованы, не всегда в полной мере соответствуют действующим юридическим нормам. Об этом пишут отечественные этнологи, политологи и специалисты других отраслей знаний. Защита интересов этнических меньшинств, соблюдение принципа равенства прав представителей различных этнических сообществ являются также предметом заботы различных российских правозащитных организаций и ряда политических деятелей. В последнее время и правоохранительные органы стали более пристально обращать внимание на ущемление прав в данной области, особенно на проявления ксенофобии, и предпринимать меры против проявлений этнической, расовой и религиозной нетерпимости.

В такой обширной стране, как Россия, к тому же в стране, переживающей процесс сложных социально-экономических и политических трансформаций, вряд ли возможно избежать столкновения интересов различных этнических и религиозных общин на местном уровне. В основе таких столкновений, однако, чаще всего лежат элементарная конкуренция (за рынки сбыта, ресурсы, землю, социальный статус) и целевая политическая мобилизация (завоевание голосов избирателей, удержание власти, оправдание неэффективного правления), а не конфликты между народами или

цивилизациями, как это пытаются представить поверхностные обозреватели. Тем не менее, такие конфликты могут носить серьезный характер, вплоть до проявлений массового насилия, и оказывать дестабилизирующее воздействие на общество. Подобные столкновения, как правило, становятся объектом изучения этнологов, а опыт их разрешения обобщают специалисты и на этой основе выстраивают модели урегулирования конфликтов¹. Такие модели уже прошли проверку на практике и доказали свою эффективность. Используют российские эксперты и позитивный опыт решения конфликтов, который накоплен зарубежными специалистами².

Очевидно, что именно экспертное сообщество России может наиболее успешно и грамотно корректировать отечественную этнонациональную политику, как федеральную, так и региональную, а точнее — давать рекомендации тем, кто непосредственно принимает решения в этой сфере государственного управления. Могут учитываться также анализ и критика, которые исходят от зарубежных экспертов. Однако с недавних пор в осуществление федеральной и региональной этнонациональной политики пытаются вмешаться внешние силы, которые никак нельзя отождествлять с научными кругами или ответственными политиками западных стран. Одной из таких попыток является стремление политических кругов ряда европейских стран и такой организации как Парламентская ассамблея Совета Европы (ПАСЕ) оказать прямое воздействие на политическое руководство Российской Федерации и ряда российских регионов под предлогом защиты прав финно-угорских народов и с целью поддержания негативного образа России, на сей раз по части политики в отношении этнических меньшинств.

НАУЧНАЯ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ СМЫСЛ «ФИННО-УГОРСКОЙ ПРОБЛЕМЫ»

Первая попытка такого воздействия была предпринята еще в 1998 г., когда Ассамблея разработала резолюцию 1171, касающуюся уральских (т.е. финно-угорских и самодийских) этнических меньшинств в России, якобы, «подверженных вымиранию». России было рекомендовано предпринять меры для сохранения и развития языка и культуры финно-угорских меньшинств, усилить внимание государственных институтов к нуждам этой части населения страны.

Конечно, межгосударственное сотрудничество в области защиты прав меньшинств, в формировании благоприятных условий для реализации культурных, политических, экономических запросов различных этнических и конфессиональных общин, необходимо. Тем более что эти проблемы сходны во многих странах, а представители некоторых народов и культур проживают в разных государствах. Но суть такого сотрудничества, видимо, должна состоять не в навязывании утопических (политически нереализуемых) и авторитарных (против личностного выбора) проектов в целях геополитического соперничества, а тем более это сотрудничество не должно состоять в выборочном патронаже над отдельными этническими группами и в поддержке экстремистских программ и практик. Цель такого сотрудничества должна заключаться в утверждении современной правовой базы, включая международные право и специализированные декларации по защите культурных и других интересов лиц, связанных с их принадлежностью к этническим меньшинствам. Международное сотрудничество необходимо для поддержки культурного многообразия и для обеспечения свободы культурного выбора как важных принципов внутренней политики многоэтнических государств.

Этнонациональная политика России на федеральном и региональном уровнях в последние годы была предметом пристального внимания политиков, активистов этнонациональных движений, экспертов. При всех противоречиях, непоследовательности и даже ошибках, в целом в стране были обеспечены не только базовые права и интересы больших и малых народов, но и межэтнический мир и этнокультурное развитие регионов. Были созданы правовые основы этой политики и механизмы участия меньшинств в деятельности политических институтов, разработаны программы сохранения и развития языков и культур миноритарных сообществ. Эффективность всех этих мер и практика их реализации, конечно, нуждаются в дальнейшем совершенствовании, ибо здесь остается много нерешенных проблем. Одна из этих проблем – это достойное и равноправное обеспечение социальных условий жизни и конкурентоспособности граждан страны, утверждение среди них общероссийской гражданской идентичности, социально-культурной конкурентоспособности в общественной жизни при сохранении этнической и языковой самобытности.

В этом вопросе сталкиваются сразу несколько подходов и интересов. Одни полагают, что каждая этнокультурная общность первична по отношению к совокупной общности, образующей государство, и что каждая этногруппа и ее язык в пределах государства должны существовать вечно и только приумножаться, в т. ч. и численно, вопреки процессам модернизации, национально-культурного развития и даже вопреки желанию индивидуума сохранять или сменить свои этнокультурные приоритеты и свою этническую идентичность. Сторонникам такого подхода в идеале представляется, что каждый народ (народ в эт-

ническом смысле) должен иметь свою «собственную государственность» и именно представители этой группы и составляют нацию. Другими словами, все этнические венгры есть нация, включая и президента Франции Николя Саркози. Все этнические эстонцы, даже из числа давних американских или канадских граждан, составляют эстонскую нацию и имеют преимущественные права по отношению к тем, кто родился в Эстонии, но имеет другую этническую принадлежность. Этот подход давно и хорошо известен как этнический национализм (этнонационализм)³. Известны и противоречивые результаты его имплементации в общественной практике. В Европе этнонационализм господствует в государствах, входивших в СССР или находившихся под его идеологическим влиянием, а также сохраняется в странах, где некогда были распространены традиции австро-марксизма, из которого и развился этот этнический феномен.

Одной из последних ретроградных новаций этнонационализма стало конструирование неких «миров» и межгосударственной солидарности на основе академических (главным образом лингвистических и этнографических) классификаций различных культур по принципу принадлежности носителей языка к тем или иным «языковым семьям» – сугубо научной конструкции, содержание которой, т. е. схожесть и расходимость базовой исторической лексики, до сих пор являются предметом научных дискуссий. По крайней мере, до последнего времени никто в мировой политике и в общественной деятельности не выстраивал значимых коалиций по принадлежности жителей стран к «языковой семье». Были известны такие научные направления, как финно-угроведение, научные объединения и собрания на этой основе, включая международные конгрессы, но не более. В последние годы в Европейском сообществе появились вдруг «финно-угорские государства», в которые определили

себя Эстония, Венгрия и Финляндия и которые стали выстраивать своего рода совместный фронт с финно-угорскими народами Российской Федерации на предмет защиты от геноцида и вымирания российских «братьев по крови». Этот триумф культурного фундаментализма был впервые поддержан в рамках Европейского сообщества только применительно к финно-угорским народам, а его инициаторами стали политизированные ученые и идеологизированные политики из числа тех, кто решил использовать конструкцию «финно-угорского мира» и финно-угорской солидарности в целях геополитического соперничества и противостояния России.

Между тем существует и другой подход, который сводится к тому, что, при всей значимости этнокультурного многообразия и этнической идентичности на личном и групповом уровнях, основу современной государственности и современных наций составляют исторические, социальные и культурные общности, которые складываются в пределах государства и которые имеют сложный этнический и религиозный состав, но которые обладают единством на основе общего национального самосознания, историко-культурных ценностей и гражданской солидарности. Именно этот подход лежит в основе международного права и государствоустройства, включая и страны Западной Европы. Сотрудничество ученых, изучающих финно-угорские языки и фольклор, вполне понятно, но что исключительно общего между российской мордвой и венграми на уровне политики и общественных акций – это большой вопрос. На самом деле общее среди населения Поволжья и Европейского Севера, где проживает большинство российских «угро-финнов», среди славянского и тюркского населения (если брать за основу языковую принадлежность) превосходит те отличительные культурные характеристики, которые позволяют относить россиян к тому или иному (кроме российского) «миру».

Длительное пребывание в составе исторического российского государства в статусе этнического меньшинства по отношению к доминирующему русскому народу и культуре, христианизация в пользу русского православия, воздействие доминирующей русскоязычной культуры привели к процессам языковой ассимиляции и к смене этнического самосознания в пользу русского среди части этого населения. При этом все народы этой группы обрели в советское время этнотерриториальную автономию, развили свои письменности, литературу, театр, науку, художественное творчество. В этом плане снижение численности и языковой переход, которые наблюдаются среди российских финно-угров в последние десятилетия, являются процессами естественного характера, и они ничем принципиально не отличаются от мировых тенденций, за исключением более явной государственной поддержки статуса

и культуры этих народов, которых лишены многие меньшинства даже в европейских странах.

Совет Европы избрал первый подход в отношении России и придерживается второго подхода в отношении самого западноевропейского сообщества, при этом явно отрицая безусловные достижения нашей страны в области этнической политики. Последние признаны и детально описаны в многочисленных трудах не только российских, но и западных специалистов, но намеренно игнорируются политизированными угроведами и активистами финно-угорской солидарности. Даже робкие высказывания министра образования и культуры Эстонии о культурных и других достижениях Республики Мари-Эл во время последнего финно-угорского конгресса в Йошкар-Оле, вызвали негодование и порицание в эстонском парламенте вплоть до требования отставки министра.

НАЧАЛО КАМПАНИИ В ЗАЩИТУ РОССИЙСКИХ ФИННО-УГРОВ И ЕЕ ИНИЦИАТОРЫ

Если же говорить об уральских народах России (финно-уграх и самодийцах), то в регионах их проживания в последние годы принят ряд специальных законодательных актов, государственных программ, которые призваны способствовать сохранению языков и культур указанных народов, обеспечению политического представительства во властных институтах тех из них, кто ограничен в возможностях политического самовыражения. Региональными властями осуществляется комплекс мер по пропаганде культурного наследия, развитию многообразных гуманитарных связей с лингвистически родственными сообществами. Об этом было подробно сказано в специальном докладе, который подготовлен нами при участии этнологов из российских регионов⁴.

Тем не менее, ситуация с положением уральских меньшинств в России система-

тически подвергается критике со стороны некоторых зарубежных специалистов. В частности на IV Всемирном конгрессе финно-угорских народов, прошедшем в августе 2005 г. в Таллине, ряд претензий к России высказал в своем пленарном докладе венгерский языковед Янош Пустаи. Его претензии не новы и повторяются регулярно, как некоторыми исследователями, так и активистами этнополитических организаций, а потому полезно обратить внимание на аргументацию ученого. Пустаи подверг резкой критике политику России, направленную на сокращение субъектов федерации, в частности ликвидацию ряда автономных округов. По его мнению, такие меры приведут к языковой и этнической гомогенизации государства и исчезновению национальных меньшинств. Он обратил внимание на значительное сокращение численности многих уральских народов и сделал

прогноз, согласно которому в 2093 (!) году общая численность этих народов сократится вдвое. Отметив, что язык является основным носителем идентичности, а языковая идентичность есть существенный фактор в становлении этносов, он предрек, что в текущем столетии многие уральские языки исчезнут, ибо «если язык не будет использоваться в средствах массовой информации, а также дома и в школе, то не будет шанса на сохранение и развитие языка и культуры на родном языке ни для одного народа. При этом, по его мнению, язык коренных жителей не может сохраниться вне своей исторической родины. Пустаи указал на то, что коми, удмуртский, марийский, мордовский языки стали языками в основном сельского населения, что молодежь его не знает и не ориентирована на него, что стремление, к примеру, расширить преподавание марийского языка, вызывает сопротивление со стороны родителей учеников.

Абсолютизируя значение языка и лингвистический принцип групповой классификации, ученый заметил, что «самым важным вопросом развития языка является решение вопроса, сколько же языков должно быть у каждого финно-угорского народа. Различение коми и коми-пермяцкого, лугового и горного марийских, эрзянского и мокшанского языков является, на его взгляд, искусственным, потому что оно не оправдывает себя и с языковедческой точки зрения. Конечно, основой для их выделения могут послужить как исторические, этнические и частично также языковые отличия, но в целях сохранения нации, национального языка и национальной культуры, а также для отторжения принципа *divide et impera* (разделяй и властвуй – *Авт.*) необходимо стремиться к положению: «один народ – один язык»⁵. Выход Пустаи видит в том, чтобы финно-угорские народы, «следуя международным примерам», создали систему образования на родном языке, которая начиналась бы с начальной школы и

заканчивалась университетами, чтобы в регионах их проживания функционировала администрация на «родном языке», осуществлялась научная жизнь на родном языке. И при этом важнейшую роль в реализации подобного сценария он отводит именно молодежи, особенно молодой интеллигенции.

Пустаи обратил внимание на очевидные факты и явления, попробовал дать им объяснения и предложил простой, но утопический способ изменить общественные настроения и радикально реконструировать культурную среду, в которой развиваются уральские народы последние несколько столетий, т. е. на протяжении значительной части своей истории. Практически Пустаи предложил тотальную этнизацию культурного пространства уральских народов, что можно осуществить лишь путем массовой дискриминации большинства населения, в т. ч. значительной части самих угоро-финнов, ибо их культурные ориентации не укладываются в предложенную ученым схему оздоровления ситуации. Важно иметь в виду то, что именно доклад венгра Пустаи стал по существу идеологической основой для эскалации кампании против ущемления прав уральских меньшинств в России; для нового позиционирования ряда этнополитических организаций и их лидеров, для выработки тактики политических действий т. н. финно-угорского движения.

Поскольку предложенный сценарий нереализуем, постольку необходимо было создать благоприятные условия для политического прессинга на российские власти, который бы дискредитировал федеральную и региональную политику и вынуждал российские власти делать уступки этнонационалистам. Этот прессинг должен был доказать политическим кругам Запада и международному общественному мнению, что у России нет оснований для упреков в адрес Эстонии и других стран по части положения русскоязычных меньшинств, но зато в адрес России обвинения в продолжении имперской политики остаются обо-

снованными. Не случайно, что после конгресса в Таллине началась кампания по защите прав уральских меньшинств, и инициатором этой кампании выступили эстонские политики. Однако изначально аргументация эстонских критиков России выглядела слабой и не находила широкой политической поддержки у европейских коллег. Необходим был информационный повод в самой России, который можно было бы использовать для развертывания широкомасштабной кампании по дискредитации российских властей. Нужны были заметные фигуры среди активистов этнонациональных организаций, готовые поддержать такую кампанию и пойти на намеренное обострение как отношений с властями, так и отношений с другими этническими группами населения.

Поводом стало избиение неизвестными лицами активиста Всемарийского совета Владимира Козлова (кавалера ордена за заслуги перед Эстонией) в начале февраля 2005 г. Казалось бы, этот случай можно трактовать только как криминальный эпизод. Но ему придали большой политический смысл, против которого не возражал и сам пострадавший. Уже 21 февраля в Эстонии было подготовлено и размещено в Интернете «Обращение в поддержку марийского народа»⁶, в котором частный случай вырастал до масштабов целенаправленной государственной кампании по ущемлению прав всего марийского населения Республики Марий-Эл. Определенные политические круги Эстонии, Финляндии и Венгрии с готовностью использовали данный случай и другие претензии к властям региона, не только для того, чтобы представить марийский народ жертвой ущемления прав, но и показать, что государственная политика РФ в отношении всех финно-угорских народов России неудовлетворительна, а главное – «разоблачить» ее скрытую идеологическую сущность. А сущность эта заключается, по их мнению, и в стремлении к «фольклоризации» культур

этнических меньшинств, и в «размывании» этнических групп путем пересмотра административных границ регионов, которое в свою очередь влечет сокращение доли малочисленных этнокультурных общностей в общем составе населения, и в последовательной «русификации» миноритарных сообществ.

Чтобы доказать подобное, были задействованы совместные усилия ряда политиков и российских этнических активистов, которые имели тесные контакты с зарубежными коллегами и которые представляли себя в качестве защитников интересов уральских народов. Еще в резолюции таллинского конгресса содержался механизм, с помощью которого можно было добиваться объединения деятельности этнонационалистов в России и их политических покровителей на Западе. Таким механизмом должен был стать мониторинг ситуации в российских регионах, проводимый за счет финансовых средств, выделяемых прежде всего Финляндией. Для более эффективного взаимодействия групп интересов было предложено организовать переподготовку этнических активистов из т. н. «национальных движений» за счет целевых средств, выделяемых названными спонсорами и по их программам. Реализация данных планов вступила в практическую фазу после инцидента с В. Козловым. Эстонский институт прав человека в Таллине (небольшая НПО, которая получает средства от государства и за последние годы подготовила только два доклада о соблюдении прав человека в Эстонии – в 1999 и 2005 гг.) призвал поддержать народ мари и выступил за прекращение преследований политической оппозиции, национальных меньшинств в России, а в своем пресс-релизе указал, что «малые народы в России испытывают террор и их культуры и языки уничтожаются»⁷.

Интергруппа Европарламента по национальным меньшинствам 10 марта 2005 г. обсудила вопрос о положении марийского

народа в России и приняла решение под-
нять этот вопрос на переговорах с делега-
цией российских парламентариев. Еще ра-
нее Европарламент поручил подготовку
специального доклада по положению ураль-
ских народов в России депутату от Эсто-
нии Катрин Сакс, которая в свое время за-
нимала пост министра по делам народона-
селения своей страны, но не являлась спе-
циалистом по проблемам меньшинств. В
связи с развернувшейся кампанией в под-
держку финно-угорских народов в России,

работа над данным докладом была активи-
зирована. Помощь в сборе материалов к
докладу отчасти оказали российские ре-
гиональные власти, но главную роль сыг-
рали активисты этнокультурных организа-
ций финно-угорских народов, которые ис-
поведовали идеологию этнически разде-
ленного общества и противопоставляли эт-
ничность гражданству⁸. Именно такой со-
став «экспертов» и определил содержание
доклада К. Сакс.

АНТИНАУЧНОСТЬ ДОКЛАДА КАТРИН САКС

По существу доклад развивал идеи Я. Пу-
стаи, и его основной смысл состоял в том,
чтобы показать «значительное ухудшение»
ситуации с положением финно-угорских
народов России, доказать неэффективность
федеральной и региональной этнонацио-
нальной политики, обосновать необходи-
мость тотальной этнизации в регионах про-
живания финно-угров. Предварительный
вариант доклада появился к началу лета
2006 г., и эта версия была распространена
среди ограниченного круга активистов фин-
но-угорского движения, хотя предполагалось,
что с ним можно будет ознакомиться
в Интернете широкому кругу российских
специалистов. Указанная версия доклада и
является предметом нашего анализа, ибо
она весьма показательна.

Доклад получился весьма противоречи-
вым, поскольку оказалось трудно совме-
стить целый ряд позиций автора. Прежде
всего, «арифметический подход» к анализу
этнокультурных явлений и процессов дол-
жен сопровождаться обоснованием четких
пороговых значений тех или иных явлений,
нарушение которых свидетельствует о кри-
зисном состоянии анализируемого куль-
турного явления. Но в предложенном док-
ладе цифровые показатели существуют са-
ми по себе при полном отсутствии каких-
либо критериев оценки этих показателей.
Вызывают сомнения ключевые положения

логической структуры доклада. В частно-
сти, тезис об «ухудшении положения фин-
но-угорских народов» плохо согласуется с
одновременным признанием того, что в ре-
гионах их проживания предпринимаются
активные меры, нацеленные на поддержку
культурной специфики данных народов, что
эти меры вполне конкретны. Во-вторых,
плохо согласуются между собой констата-
ция того факта, что представители финно-
угорских народов делают добровольный и
сознательный выбор в пользу русского язы-
ка и культуры, в пользу получения образо-
вания на русском языке с попытками обо-
сновать необходимость навязывания куль-
турных стандартов, навязывания этнично-
сти. В-третьих, в докладе просматривается
очевидное противопоставление этничности
гражданству и политизация этничности. В-
четвертых, стремление автора продемонст-
рировать сознательную линию российских
властей на усиление «централизации и од-
нородности России» базируется на исполь-
зовании некорректных доводов в пользу
доказательства данного тезиса. В-пятых, об-
ращает на себя внимание однобокая куль-
турологическая направленность доклада,
что не позволяет дать реальную и полную
картину положения российских финно-
угров.

В докладе использованы недостоверные
данные и не привлечены материалы серъ-

езных исследований (в докладе нет ссылок на подобные работы), что ставит под сомнение целесообразность осуществления заявленной автором идеи мониторинга ситуации в регионах проживания уральских народов (точнее – мониторинга, осуществляемого силами этнических антрепренеров и ангажированных специалистов). Полностью проигнорирован этнологический мониторинг, который на протяжении почти десяти лет в данном регионе и среди финно-угорских народов вела неправительственная организация Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов, действующая на базе Института этнологии и антропологии РАН. Проявлено также очевидное желание переместить центр принятия решений по проблемам российских финно-угров из России в страны Евросоюза, а через это обеспечить своего рода культурное доминирование более крупных народов (финны, венгры, эстонцы) над малочисленными группами в составе российского народа.

Доклад претендует на научность, но именно эта его сторона наиболее несостоятельна. Если автор взялся рассуждать о положении финно-угорских народов, то он должен вначале определиться с тем, что он вкладывает в понятия «народ» и «этническая группа». Здесь у автора четкой позиции нет, ибо нет достаточного уровня квалификации. Недостаток квалификации не позволяет К. Сакс видеть очевидные ошибки и недочеты своего сочинения. К примеру, в докладе упоминается, что «языки финно-угорских народов понесли сильные потери за последние столетия: языки меря, мурома, камасиан, койбал, таиги, карагас исчезли, а народы, говоря в общем, ассимилировались». Очень сомнительное утверждение, ибо никто из серьезных специалистов не возьмется утверждать, что летописные меря и мурома были самостоятельными народами, а не являлись племенными группами, вошедшими в состав марийцев или других народов. Сам вопрос об

этнической принадлежности меря и мурома остается дискуссионным. В список «исчезнувших» финно-угров по той же логике К. Сакс могла бы включить летописную мещеру и мифологическую чудь, но это отнюдь не усилило бы ее тезис об исчезнувших финно-угорских народах.

В принципе весь список «финно-угорских потерь» является научной спекуляцией. Таиги или тавги есть одно из названий ненцев, но ни их язык, ни они сами, как известно, не исчезли, а численность ненцев между двумя последними переписями населения выросла на 20,8% (с 34 до 41 тыс. чел.)⁹. Под этнонимом «камасиан» автор, видимо, имеет в виду камасинцев, а койбалы у нее названы «койбал» – оба этнонима относятся к хакасам (общая численность, по данным переписи 2002 г., – 75 622 чел.), которые являются не финно-уграми, а принадлежат к тюркским народам. Упомянутые в том же ряду «карагасы» – это устаревшее название тофаларов, которые являются малочисленной этнической группой, но при этом не исчезли (по переписи 2002 г., – 837 чел.). При этом тофалары опять же относятся к тюркам, хотя в их этногенезе сыграли важную роль самодийцы¹⁰. Некорректным является сравнение демографических процессов у финно-угров с русскими и татарами, ибо демографический потенциал этих народов принципиально различается, хотя демографические проблемы есть у всех из них.

Доклад Катрин Сакс содержит большое количество статистических данных и материалы целого ряда обследований. Но используются эти данные весьма своеобразно. Например, сравнивается количество новорожденных у коми в начале XX в. и в начале XXI столетия, т. е. сравниваются две разные модели демографического поведения, что является вопиющим невежеством: ясно, что в начале XX в. рождаемость у всех известных народов была выше и значительно выше была и смертность. Человек, который возглавлял министерство

по делам народонаселения, должен знать, что т. н. демографический переход от одной модели демографического поведения (ориентация на высокую рождаемость) к

другой (низкая рождаемость) в Европе как раз и завершился во второй половине XX столетия.

ОБРАЗОВАНИЕ И ИЗДАНИЯ НА НЕРУССКИХ ЯЗЫКАХ

Далее в своем докладе автор заявляет, что т. н. национально-региональный компонент в системе образования включает в себя «не более 10–12% от общего количества времени преподавания», т. е. однозначно указывает на недостаток часов. При этом она не обосновывает, сколько часов необходимо и почему необходимо больше. Не указывает она и на то, что же делать с общеобразовательными предметами, которые составляют основу учебной программы средней школы, и качество усвоения которых учащимися тоже является важной образовательной проблемой. Какие часы и предметы нужно сократить в угоду расширения представительства «национально-регионального компонента» и как это скажется на общем уровне подготовки учащихся? Есть ли необходимость сокращать количество часов на математику, физику, химию, биологию, географию, отечественную историю или можно сокращать лишь часы, отводимые на преподавание русского языка?

Та же логика рассуждений прослеживается и в оценке уровня охвата школьников в национальных республиках преподаванием родного языка. Сакс, к примеру, указывает, что «в Саранске из 17 000 детей, говорящих на родном языке, только 2,8–3,5% изучают его». Встает вопрос о том, сколько детей «должны» изучать язык (поскольку «желание изучать» никак не рассматривается)? Видимо оптимальным является цифра в 100%. Примерно по сходной схеме оценивается и ситуация с обучением родному языку в других республиках.

Аналогичным образом автор доклада подходит к оценке проблемы публикаций книг на финно-угорских языках. Она однозначно указывает на то, что «издается мало

книг на родных языках» указанных народов и приводит данные о тиражах и количестве изданий по годам в разных республиках, заявляя, что «популярные научные книги печатаются очень редко». При этом опять же не дается ответа на вопрос, а сколько нужно издавать книг, какова востребованность изданий на национальных языках, какова в них потребность сегодня, т. е. нет критерия оценки ситуации в сфере книгоиздания. В советские годы, к примеру, во всех сельских книжных магазинах можно было свободно купить именно книги на национальных языках, но не популярную художественную литературу на русском языке. Сегодня ситуация на книжном рынке изменилась: практически не осталось сельских книжных магазинов, стоимость книг существенно выросла и при этом любые издания стали доступны, а выпуск книг определяется только читательским спросом. Между тем издания на языках меньшинств, как и прежде, не ориентированы только на читательский спрос, ибо они относятся к т. н. социально значимой литературе, а публикация таковой обеспечивается за счет финансовой поддержки государства. Можно сказать, что сегодня данные издания более востребованы, чем в советские годы, но большого спроса на национальную литературу нет (это можно определить по суммам продаж в книжных магазинах), хотя потребности читательской аудитории серьезно не изучались и трудно сказать, нужны ли «популярные научные книги» на финно-угорских языках или населению более нужны детективы, справочная литература, религиозные издания и т. д. По существу сегодня нет проблемы издания книг на национальных языках – любая

хорошая книга будет издана. Есть другая проблема – проблема качественного литературного материала на миноритарных языках. Но автор доклада не видит этой проблемы, ибо ее анализ культурных потребностей носит механистический или статистический характер, а такой подход не позволяет оценить реальные проблемы.

Столь же однобоко и тенденциозно оценивается ситуация с печатными СМИ на финно-угорских языках. Утверждается, что количество изданий сокращается, хотя в последние годы происходило только увеличение издаваемых на нерусских языках газет и журналов. При этом тиражи подоб-

ных изданий, действительно, резко сократились, ибо спрос на них упал (с этой проблемой столкнулись и многие русскоязычные журналы и газеты). Отмечено отсутствие независимых медиа, но для того, чтобы они были, необходимо, чтобы учредителями печатных или электронных СМИ выступали независимые бизнес-структуры или отдельные предприниматели. Все СМИ на миноритарных языках существуют только за счет финансовой поддержки государства, ибо они убыточны, а убыточные предприятия бизнес содержать не будет. Этническая принадлежность бизнесменов при этом не играет никакой роли.

ЭКОНОМИКА, РЕСУРСЫ И КУЛЬТУРА

Данный тезис можно доказать на примере экономических связей. По замыслу идеологов формирования «Финно-угорского мира», расширение связей и контактов между Финляндией, Венгрией, Эстонией, с одной стороны, и «финно-угорскими регионами РФ» – с другой, которое происходило как на официальном, так и на неофициальном уровне, должно было привести к расширению и углублению связей во всех сферах, включая экономику. Но этого не произошло. Даже с наиболее перспективным экономическим партнером – Финляндией (не говоря уже об Эстонии и Венгрии) – связи крайне ограничены. Инициированная Финляндией в рамках ЕС программа «Северное измерение», которая должна была способствовать притоку инвестиций и реализации совместных экономических проектов, прежде всего на территории Карелии и Коми, по существу провалилась, и повинны в этом обе стороны. Идея создания на границе между Финляндией и Карелией еврорегиона «Карелия»¹¹ с целью выравнивания уровня и качества жизни населения по обе стороны границы также остается лишь красивым «проектом».

Более того, неэффективно используется основной ресурс северных регионов – лес.

Финский бизнес заинтересован в использовании лесных запасов Европейского Севера РФ и крупные лесопромышленные компании Финляндии рассматривали различные варианты промышленной кооперации, предлагавшиеся властями и бизнесменами «финно-угорских регионов», но реальные проекты в области лесопереработки осуществляются в основном в Ленинградской области (которая по объему вывозки леса уже не уступает Карелии и Коми, хотя в последней сосредоточена четверть всех лесных ресурсов Северо-Запада РФ), а крупные целлюлозно-бумажные комбинаты финские компании строят в Латинской Америке, ибо Stora Enso, UPM и другие лесопромышленные компании Суоми ориентированы на получение максимальной экономической выгоды. И поэтому они наиболее активны там, где эту выгоду можно получить.

Между тем, благополучие большей части сельского населения, как Коми, так и Карелии, целиком зависит от состояния дел в лесной промышленности. Сегодня в аграрном секторе экономики Коми, к примеру, занято только 8 тыс. чел. (из 250 тыс. сельских жителей). Но состояние дел в лесной отрасли остается сложным, и дело

здесь не только в объективных экономических сложностях, но и в неумении руководителей регионов создать благоприятный инвестиционный климат, привлечь инвесторов, перейти от необременительного «расширения связей» с культурно близкими соседями к реальному экономическому взаимодействию.

Кроме того, как некоторые этнические антрепренеры из «финно-угорских регионов» готовы воспринимать свои регионы культурной периферией, так и их руководители охотно соглашались с тем, чтобы данные регионы выполняли роль сырьевой периферии для европейской промышленности, причем роль нецивилизованной периферии. Отсюда и хищнические методы лесозаготовки в карельских лесах, о которых уже много раз сообщалось¹².

В отличие от логики экономической, где главный выигрыш прибыль, логика культурной политики строится на степени удовлетворения культурных запросов и создании комфортной культурной среды для членов территориальных сообществ, проживающих в одном государстве. Это, конечно, касается и языковой практики. В данной связи любопытно замечание К. Сакс относительно того, что «газеты не используют недавно разработанную терминологию и имеют тенденцию к заимствованию из русского языка». Действительно в последние годы языковедами предложено огромное количество языковых новаций в рамках программ развития финно-угорских языков. Однако для того, чтобы они прижились в языке, необходимы время и серьезные усилия. Кроме того, очевидно, что многие искусственные словообразования не смогут закрепиться в языке — об этом все громче начинают говорить сами филологи. Вводить же их в массовом порядке в газетную лексику неразумно, поскольку для читателя эти слова неизвестны и непонятны, а потому ему будут непонятны и сами газетные тексты, что понизит и так невысокий рейтинг изданий на нерусских языках.

Заявленная Евросоюзом через доклад Сакс декларация об «ухудшении положения финно-угорских народов» требует ответа со стороны России, включая и научное сообщество. В этом вопросе есть несколько аспектов: 1) экономическое положение представителей финно-угорских народов в России, 2) социальное положение и состояние культуры, 3) статус и политическое представительство. Все это и включает в себя широкое понимание самоопределения, которое есть по сути реализация права представителей меньшинств на участие в более широком общественно-политическом процессе, а не культурную изоляцию или политическую сепессию.

Автор доклада сознательно ушла от анализа экономического положения населения, ибо полагает, что люди живут исключительно заботами о положении родного языка, обсуждением проблем книгоиздания, СМИ и другими аспектами, связанными с духовной жизнью. Сугубо культурологическая направленность доклада уводит автора от обсуждения реальных проблем финно-угров, от анализа того, каким образом следует оказывать поддержку данным народам. Между тем, для того, чтобы оценить экономическое положение населения в регионах проживания российских финно-угров, достаточно было взять статистический ежегодник РФ и оценить динамику роста реальных доходов, показатели развития социальной сферы. Изменение этих показателей в последние годы имеет положительную динамику. Именно данный факт принципиально важен для оценки ситуации (см. Приложение). Заметим, что население оценивает ситуацию в регионах своего проживания, ориентируясь на реальные социальные сдвиги, а критериями оценки здесь являются обеспеченность рабочими местами, доходы населения, степень доступности социальных благ. Именно здесь и следует искать болевые проблемы российских финно-угров.

Дело в том, что финно-угорские народы РФ и сегодня остаются преимущественно

сельскими этническими сообществами, ибо большинство представителей этих народов проживает в сельской местности (в этом смысле деэтнизация данным сообществам не грозит, поскольку на селе финно-угры доминируют как численно, так и культурно). Но ситуация в аграрной сфере продолжает оставаться сложной. Во многих регионах РФ аграрный кризис не преодолен до сих пор. Однако по регионам проживания финно-угров и самодийцев положение дел в аграрной отрасли хозяйства заметно разнится. В Ханты-Мансийском, Ямало-Ненецком и Ненецком округах местные власти оказывают массированную финансовую поддержку развитию оленеводства и других традиционных отраслей жизнеобеспечения (охота, рыболовство, пушной промысел), реализуют различные программы, направленные как на повышение уровня жизни аборигенного населения, так и на повышение конкурентоспособности традиционных отраслей хозяйства на рынке. В Коми, Удмуртии, Марий-Эл, Карелии, Коми-Пермяцком округе аграрное производство практически пришло в упадок и уровень жизни сельского населения заметно ниже, чем уровень жизни горожан.

Помимо этого, как уже отмечалось, огромное социальное значение для финно-угров России имеет положение дел в лесном хозяйстве, ибо в Карелии, Коми, Удмуртии, Коми-Пермяцком округе большая часть сельских жителей занята именно в этой сфере экономики. Но, во-первых, лесной комплекс все еще переживает кризис, связанный с резким падением объемов производства и утратой прежних рынков (к примеру, в Коми в 1990-е гг. объемы лесозаготовок сократились в пять раз). Во-вторых, необходима его качественная перестройка, для которой нет достаточных инвестиций и соответствующих условий. В результате многие лесные предприятия разорились, а другие находятся в сложном экономическом положении, и население десятков лесных поселков сегодня осталось без работы.

Подобная ситуация имеет два печальных следствия, которые влияют на социальное самочувствие финно-угров и на их место в социальной структуре местных сообществ. Во-первых, низкий уровень доходов не позволяет многим детям из сельских семей продолжать образование в высшей школе и, следовательно, ограничивает возможности молодых финно-угров в конкуренции на рынке труда, в сфере политики, бизнеса, т. е. создает серьезные препятствия для их социальной мобильности. Слабая сельская экономика не позволяет также местным производителям оказывать поддержку сельским школам, в то время как многие городские школы сегодня могут улучшить свое положение за счет поддержки спонсоров. Это означает, что их уровень оснащения (компьютерами, учебным оборудованием, литературой и т. д.) существенно уступает городским, а привлекательность данных школ для молодых и перспективных учителей крайне низка. Поэтому разрыв между качеством образования в городских и сельских школах, который и ранее существовал, сегодня становится еще большим, а значит базовый уровень образования у сельских школьников снижается, что в первую очередь отражается на сельских этнических сообществах. Возникли условия, при которых возможно прогрессирующее культурное отставание финно-угров от доминантного большинства населения страны. Именно это отставание и может существенно понизить статус этнической культуры и языка финно-угров и еще более повысить привлекательность культурных ценностей т. н. основного населения, т. е. российской русскоязычной культуры.

Поэтому краеугольным камнем программы поддержки финно-угорских народов России должны стать масштабная реорганизация аграрного производства и лесопромышленного комплекса, а также совершенствование системы сельского образования. Об этом достаточно подробно и обоснованно было сказано в вышеупомя-

нута докладом Института этнологии и антропологии РАН и Сети этнологического мониторинга, подготовленном этнологами из регионов проживания финно-угорских

народов РФ. Но эти ключевые проблемы совсем не были проанализированы Катрин Сакс.

СВОБОДА КУЛЬТУРНОГО ВЫБОРА

В докладе центральное место отводится языку и языковому развитию финно-угров. Автор доклада отмечает, что «родной язык не стал языком образования» для представителей финно-угорских народов, что финно-угорские языки почти не используются в системе государственного управления, «правительство не общается с населением на их родном языке»; «печати, почтовые марки, торговые марки, официальные документы и сертификаты» не выпускаются на родном языке; люди не имеют возможности использовать родной язык в своей религии, законодательные и судебные службы «не обеспечены родными языками» и т. д.

Сфера применения финно-угорских языков действительно ограничена, но такая ситуация сложилась исторически, как исторически сложилась подобная ситуация с бретонским языком во Франции (а бретонцев там больше, чем финно-угров в России) или венгерским языком в Румынии и Словакии. Значительную роль в том, что названные языки оказались в таком положении, играют языковые ориентации среди самих носителей этих языков, что признается и в рассматриваемом докладе. Можно по-разному относиться к этим ориентациям, но отрицать право личности на выбор культурных стандартов, на характер культурного потребления невозможно. Культурная свобода является одним из основополагающих условий человеческого развития, равно как и культурное многообразие¹³.

Что же касается государственного управления, судебных слушаний и других сфер публичной деятельности, то очевидно, что языковая унификация необходима в интересах государства и общества, а претензии

Сакс здесь выглядят неубедительно. Исчерпывающий ответ на ее претензии содержится в Докладе ООН о человеческом развитии за 2004 г., где особо отмечается: «...Если в этнических и религиозных вопросах для государства возможно и даже желательно оставаться “нейтральным”, то подобная позиция в отношении языка является непрактичной. Понятие гражданства требует общего языка для укрепления взаимопонимания и эффективной коммуникации. Ни одно государство не может позволить себе обеспечивать услуги и выпускать официальные документы на каждом из языков, используемых на его территории»¹⁴.

Если же говорить о религии, то эта сфера вообще слишком деликатна, чтобы ее касаться, а использование языков является делом пастыря и паствы. Кстати православные священники в деревнях пользуются для чтения проповедей коми, марийским и мордовскими языками, а если говорить о языческих моленьях, которые особенно распространены среди марийцев, то для их отправления, как правило, пользуются родным языком верующих.

Учитывая языковые ориентации и предпочтения, а также общую языковую ситуацию в регионах проживания финно-угров РФ, можно сказать, что взгляды Пустай, которые разделяет Катрин Сакс и которого она назвала основным консультантом доклада, выглядят нереализуемыми и политически провокационными. Перевод всей системы образования от начальной школы до университета полностью на финно-угорские языки осуществить невозможно, прежде всего потому, что в этом нет потребности прежде всего у самих финно-угров

РФ. Кроме того, предлагаемая программа потребует столько усилий и средств, что неясно в какой отдаленной перспективе ее можно будет реализовать. Автор сама понимает нереализуемость такого языкового перехода и потому смысл затеянной провокации заключается в отвлечении внимания и ресурсов от потребностей развития российских финно-угров.

Более того, в современной ситуации любое навязывание языка и культурных стандартов обернется против культур меньшинств и очевидным свидетельством тому являются культурные ориентации молодежи, которые в результате этнического ренессанса первой половины 1990-х гг., казалось бы, должны были сместиться в сторону названных культур. Но этого не произошло, а наблюдается обратное явление. Примитивные попытки объяснить нежелание молодежи использовать язык предков и принимать за культурный идеал «традиционную культуру» тем, что якобы усиливается русификация этнических меньшинств, выглядят не убедительно. Эти объяснения не учитывают сложных перемен в массовом сознании населения в целом и молодежи – в частности. Современная «сетевая молодежь» становится все более космополитичной, а приверженность этническим традициям она нередко воспринимает как архаику, которая плохо согласуется с современной цивилизацией. Кстати, первыми из финно-угров об этом стали говорить финны, которые уже в 1980-е гг. жаловались, что финская молодежь слишком американизирована. Сегодня эти жалобы приобрели характер навязчивой идеи и не случайно, видимо, с трибун финно-угорских форумов английский язык стали порой называть «языком-убийцей», хотя, как можно обвинять в смене культурных предпочтений какой-либо язык, неясно.

Что касается стремления автора доклада к противопоставлению этничности гражданству и политизации этничности, то здесь

есть два принципиальных момента. Во-первых, Сакс никогда не употребляет понятия российский народ и территориальное сообщество. Очевидно, что для нее российские финно-угры существуют вне российского социума и вне территориальных сообществ, к которым они принадлежат уже много столетий. При этом территориальные сообщества объединены не только территориально, но и составляют социально-культурную целостность. Между тем Сакс, вслед за Пустай, отрицает значение общегражданской интеграции, которую называет стремлением к гомогенизации.

Очевидно, что российская нация как историческая и политическая общность и как культурное сообщество нуждается в интеграции, в усилении гражданской солидарности между членами этого сообщества. Кстати, та же проблема актуальна и для Эстонии, где есть государственная программа интеграции. Аналогичные программы есть и в ряде других стран, в т. ч. и с довольно стабильной социальной средой и прочными культурными традициями. Но социальные и политические изменения последних десятилетий, массовые миграции сделали задачу интеграции актуальной для Европы в целом. Доказывать данный тезис нет необходимости, ибо об этом много говорят европейские политики, но К. Сакс, вероятно, должна ответить, почему усилия российских властей в этом направлении следует рассматривать не как стремление к укреплению социальных устоев российского общества, а как покушение на культурное своеобразие меньшинств.

Очевидное стремление противопоставить этничность гражданству просматривается в терминологических изысканиях К. Сакс. Она предлагает упразднить термин «национальные меньшинства» и вместо него использовать термин «коренные народы». На первый взгляд, невинная терминологическая рокировка на самом деле призвана разделить население национальных республик и автономий на качественные

страты и в основу этого деления положить принцип крови. Сакс указывает и причину, которая является, на ее взгляд, основанием для такой терминологической новации, — «большинство из этих народов живут на землях своих предков в течение нескольких тысячелетий». Помимо того, что современные финно-угорские народы сформировались как этнические сообщества не несколько тысячелетий тому назад, а главным образом в эпоху средневековья и даже позднее¹⁵, есть сомнения и в том, что занимаемые сегодня этими народами территории можно однозначно считать только их исконными территориями. Так, этническая территория коми окончательно оформилась лишь к началу XIX в., а на средней Печоре, к примеру, русские усть-цилемцы обосновались на четверть века раньше, чем северные коми. Европейские ненцы пришли в Большеземельскую тундру около тысячи лет назад, когда начиналась и русская колонизация этих территорий. Не случайно поморы как отличительная группа северных русских появляются уже в XII столетии, а сами ненецкие территории специалисты-историки относят и к историческим поморским землям. Несколько столетий спустя здесь обосновались и коми-оленоводы. Если говорить о Поволжье, то там вообще много столетий соседствуют разные народы и трудно определить, какая территория является исконной для той или иной этнической группы, хотя этнические националисты и европейские эксперты готовы «делить» территории одного государства.

Подход Сакс не является оригинальным, а имеет много общего с доктриной этнического национализма, которую в свое время взяли на вооружение большевики. Они полагали, что все этнические группы должны иметь свои национально-государственные образования, в пределах которых группа, давшая название данной административной единице, объявлялась «коренной», а все остальное население — «некоренным»¹⁶.

Большевики использовали этнический национализм с очевидной политической целью — усилить свое влияние среди меньшинств. Вероятно, что политическая логика предложения Катрин Сакс близка логике большевизма. Она заявляет, что, согласно некоему правительственному плану, автономные округа и республики далее не будут существовать. В качестве доказательства ссылается на пример Коми-Пермяцкого и Усть-Ордынского автономных округов, которые административно объединились с Пермской и Иркутской областями соответственно. При этом без всяких обоснований составитель доклада заявляет, что «республики и округа стали... органической частью этнического самосознания финно-угорских народов». На чем зиждется уверенность автора в том, что административные границы закреплены в сознании людей понять трудно, но, видимо, это ей внушили этнические антрепренеры. Пример Коми-Пермяцкого округа показывает, что политическая автономия для этнических меньшинств уже не воспринимается ими как существенно значимый фактор. Более того, именно девальвация фактора внутреннего территориального самоопределения и привела к тому, что идея укрупнения регионов получила широкую поддержку среди меньшинств¹⁷. Детальный анализ ситуации, складывавшейся, например, в Коми-Пермяцком автономном округе на протяжении последних десятилетий позволяет утверждать, что объединение с Пермской областью было логичным и неизбежным¹⁸.

Стремление Катрин Сакс, Яноша Пустаи и других критиков укрупнения российских регионов показать, что эта мера направлена против меньшинств и не поддерживается ими, показывает, что их знание российской действительности поверхностно, и что они не уважают результаты волеизъявления населения тех регионов, которые проголосовали за идею укрупнения субъектов федерации. При всех издержках прак-

тики формирования новых укрупненных субъектов сама идея пользуется поддержкой и среди представителей финно-угорских народов РФ. Массовый опрос населения в рамках проекта «Я и мой народ», проведенный в Республике Коми в 2004 г., показал, что идею укрупнения регионов поддерживали 51% русских респондентов и 51% коми-респондентов, хотя авторы исследования изначально полагали, что поддержка данной идеи будет сильно коррелировать с этнической принадлежностью опрашиваемых¹⁹.

Абсолютизация этничности и языка как критерия оценки политической мотивированности административных преобразова-

ний проявилась в заявлении Сакс о целесообразности объединения Коми-Пермяцкого округа с Республикой Коми, а не с Пермской областью (коми и коми-пермяки говорят на одном языке и имеют общее происхождение). Если следовать этой логике, то западным странам нельзя было признавать независимость Хорватии и ее отделение от Югославии, а надо было требовать, чтобы народы этих стран оставались в составе единого государства, поскольку сербы и хорваты говорят на одном сербо-хорватском языке. Тем не менее, как мы знаем, Запад весьма охотно признал независимость Хорватии.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО

Стремление политизировать этничность и саму проблему положения финно-угорских народов РФ выразилось и в том, что автор доклада попыталась доказать, что уровень политического представительства этих народов недостаточен. В качестве обоснования этого тезиса были приведены данные о составе местных парламентов: сколько коми в парламенте Республики Коми, марийцев – в парламенте Марий-Эл и т. д. Доля представителей этнических меньшинств сегодня действительно меньше, чем их доля в составе населения. Но применим ли здесь сугубо арифметический принцип анализа? При этом автор не упоминает того факта, что глава Республики Коми – коми, а глава Мордовии – мордвин, хотя в обеих республиках коми и мордва в значительном меньшинстве. По логике автора, так не должно быть. А логика эта строится на том, что территориальные сообщества, сложившиеся в республиках с финно-угорским населением, Катрин Сакс не воспринимает как целостность, как гражданскую общность, и искусственно разделяет эти сообщества на этнические сегменты. Между тем, население во время голосования делает выбор не в пользу пред-

ставителей той или иной этнической группы, а в пользу того, кому оно готово доверить свои голоса, кого хочет видеть носителем своих интересов в представительных органах власти.

Стоит заметить, что на Западе разговоры о том, сколько в парламенте Финляндии шведов, в парламенте Франции бретонцев или в бундестаге ФРГ лужицких сербов сочли бы политически некорректными, ибо национальные парламенты, равно как и законодательные собрания провинций, есть институты гражданского представительства и выбор полномочных представителей осуществляют граждане, а не этнические группы. В этом же логическом ряду находятся и сожаления по поводу невозможности создавать региональные и этнические партии в России, что вообще можно оставить без комментариев.

Между тем стремление этнизировать систему политических институтов России, а точнее институты представительной власти в республиках с финно-угорским населением, есть устойчивое стремление западных культуртрегеров. В свое время именно эстонские эксперты посоветовали активистам финно-угорских этнокультурных органи-

заций в России внести в свои программные документы идею о создании двухпалатных парламентов в республиках и о комплектации одной из палат исключительно этническими депутатами, т. е. представителями титульных народов. Эта по сути расистская идея сделала бы республиканские парламенты похожими на ЮАР в эпоху заката режима апартеида, когда в национальном парламенте было предложено учредить отдельные палаты для белых, цветных и индийцев. Подобные идеи, по сути, и привели к падению доверия к этническим организациям и к тому глубокому кризису, который сегодня они переживают. Преодолеть кризис лидеры этнополитических организаций и пытаются с помощью западных спонсоров.

Что же касается проблем с политическим представительством миноритарных сообществ, то такая проблема есть там, где объективно нет возможностей для равных условий политической конкуренции. К примеру, в Финляндии, где саамы составляют 0,02% населения, и практически нет шансов, что хотя бы один саам будет избран в состав национального парламента, создан «саамский парламент», который представляет собой консультативный орган, избираемый самими саамами. Аналогичные «парламенты» созданы в Норвегии и Швеции.

В России нашли свою более эффективную модель. В Думе Ханты-Мансийского автономного округа создана Ассамблея коренных малочисленных народов в составе 5 депутатов (всего в Думе 25 депутатов), а

председатель Ассамблеи является вице-спикером. Выборы в состав ассамблеи проходят по многомандатному избирательному округу, который включает всю территорию республики, а кандидатами в депутаты здесь могут быть представители малых народов, проживающих в округе. Однако в таком деле, как решение вопроса о политическом представительстве меньшинств не может быть универсальных «рецептов». И попытка распространить опыт Ханты-Мансийского округа на реформирование регионального парламента в Ненецком округе провалилась. Если в ХМАО ханты и манси вместе взятые составляют 1,9% населения, то в НАО ненцы — это 19% жителей, т. е. очень значительная доля. Но помимо них, здесь 11% составляют коми, а остальную часть — в основном русские, которые тоже являются старожильским населением. Поэтому жителям было непонятно, почему права особого представительства получают только ненцы и на выборах по одномандатному округу избиратели дружно проголосовали против всех выдвинутых депутатов. Этот пример показывает, что «рецепты» западных политических консультантов, направленные на политическую мобилизацию этничности в России совершенно очевидно не учитывают многоэтничный состав населения страны, специфику российской ситуации и всю деликатность сферы межэтнического взаимодействия, помимо того, что они просто далеки от идеи гражданской солидарности.

РЕАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Выше мы уже указывали, что доклад Катрин Сакс, так же как и программное выступление Я. Пустаи на Всемирном финно-угорском конгрессе в Таллине, имеют узко культурологическую направленность и не учитывают реальных потребностей российских финно-угров. Мы также указали на проблемы, которые оказывают реша-

ющее влияние на положение указанных народов. Это проблема поддержки и развития аграрного производства и проблема качественного преобразования системы сельского школьного образования. Эти проблемы сложны и глобальны, увидеть здесь целенаправленное ущемление интересов финно-угров трудно, ибо аналогичные про-

блемы актуальны для российского села в целом, поэтому оба «эксперта» их дружно проигнорировали.

Есть еще одна сторона в том, что доклады Пустай и Сакс носят сугубо культурологический характер. Оба в завуалированной форме стремятся помочь не российским финно-уграм, а периферийной европейской науке и периферийным европейским университетам выжить в условиях нарастающей конкуренции и бюджетного дефицита. Не секрет, что гуманитарные науки и университеты в странах Восточной Европы после распада советского блока оказались в сложном положении. Получить дополнительные ресурсы можно только за счет грантов и специальных программ. Одной из таких специальных программ становится программа поддержки «родственных финно-угорских народов». Такая программа принята в Финляндии (она выделяет больше всего средств), Эстонии и Венгрии. Средства этих программ используются на издание учебников и литературы на финно-угорских языках, на обучение студентов и аспирантов из «финно-угорских регионов

РФ» в университетах Эстонии, Финляндии и Венгрии. Почему российские студенты должны ехать в Эстонию, если качество образования в российских вузах, особенно столичных, выше? Почему не выдавать студентам именные стипендии с тем, чтобы за счет этих стипендий они могли обучаться в лучших вузах России? Видимо потому, что тогда эстонские или венгерские вузы лишатся дополнительной поддержки. За счет средств ЕС Сакс предлагает создать европейский центр финно-угорских языков, но не в России, где проживает большинство финно-угорских народов и где основное поле для языковедческих исследований. Центр предлагается разместить в Венгрии, туда же пойдут и средства из фондов Европейского Союза. Когда Сакс без всяких обоснований говорит о необходимости увеличить фонды для издания книг на финно-угорских языках, для поддержки СМИ, тогда она не имеет в виду европейские фонды – она имеет в виду средства региональных бюджетов, забывая при этом, что большинство «финно-угорских регионов» – это глубоко дотационные регионы.

СТАВКА НА ЭТНОНАЦИОНАЛИСТОВ

Очевидно, что поддержка аграрных проектов в марийских или мордовских селах, помощь сельским школам Коми и Удмуртии не есть задача «поддержки финно-угорских народов». Это слишком обременительные программы, которые трудно конвертировать в политические дивиденды. Такие дивиденды может, однако, принести поддержка потерявших свое влияние в регионах этнических антрепренеров. Заметим, что многие активисты этнических организаций в России старательно подчеркивают, что проблемы в сфере сохранения и развития языка и культуры финно-угров есть, но они решаются. Но как только их приглашают на Запад, их риторика меняется: они непременно заявляют об ущемлении прав финно-угорских народов, об этноциде и да-

же геноциде, не приводя никаких доказательств. В качестве примера можно сослаться на интервью, которое давал упомянутый выше В. Козлов радио «Свобода» во время своего визита в Эстонию²⁰.

Зная эту особенность националистических лидеров, западные политики стремятся использовать ее в своих интересах. Уже принято решение о «повышении квалификации» активистов общественных организаций финно-угров за счет средств, выделяемых Финляндией. За счет финансовой поддержки финского правительства (не напрямую, а через фонд Матиаса Кастрена) предполагается осуществлять мониторинг ситуации с положением финно-угорских народов РФ, но осуществлять его будут не независимые эксперты (правоведы, соци-

альные антропологи и этнологи), а активисты этнических организаций. Причем, политически ангажированная их часть (кто-то из них, правда, обладает даже учеными степенями, что нельзя приравнять, однако, к научной квалификации). Встает резонный вопрос о том, почему столь много внимания уделяется прямой финансовой поддержке т. н. национальных движений, а фактически – поддержке узкого круга активистов или же сомнительных экспертов? Чем это мотивировано. Данный вопрос еще более актуализируется в свете решения Министерства финансов Финляндии сократить финансирование и в 2007 г. закрыть Институт России и Восточной Европы, который многие десятилетия служил площадкой для организации российско-финляндского сотрудничества, а в последние годы выполнял важную миссию поддержки русскоговорящего населения страны.

О качестве подобной «экспертизы» можно судить по использованным в докладе Сакс материалам изучения этнолингвистической ситуации в Республике Коми. Это исследование было проведено в начале 2003 г. под руководством одного из активных членов национального движения коми – А. Конюхова, который почему-то считает себя профессиональным социологом, хотя всю жизнь просидел в чиновничьих креслах и серьезной наукой не занимался. По результатам исследования была подготовлена публикация, в числе авторов которой оказался и председатель Консультативного комитета финно-угорских народов В. Марков. Для того, чтобы оценить достоверность заключений указанного исследования, необходимо сравнить их с данными переписи населения 2002 г. Согласно этим данным, среди некоми жителей Республики Коми 2% владеют коми языком, а по итогам опроса Конюхова, – почти 14%²¹. Другие данные указанного исследования тоже сомнительны, и они расходятся с материалами опроса в рамках проекта «Я и мой народ», о котором говорилось выше. Более того, группу Конюхова уже критико-

вали за представленные данные, указывая на очевидную сомнительность результатов исследования. Тем не менее, результаты их опроса были переданы К. Сакс и использованы последней в анализе положения финно-угорских народов. Видимо, названным «исследователям» надо было отчитываться перед спонсорами, и они готовы в качестве отчета о проделанной работе представить любые сомнительные материалы. Есть сомнения по поводу качества других материалов, использованных в докладе, на что указывали слушатели доклада Сакс в Страсбурге (сентябрь 2006 г.) во время проведения фестиваля культур финно-угорских народов «Дорога птиц».

В этой связи возникает резонный вопрос: почему западные спонсоры хотят использовать в качестве экспертов ангажированных этнических активистов? Можно предположить только одно – нужны совершенно определенные результаты мониторинга, которые способны обеспечить не квалифицированные специалисты, а заинтересованные в сохранении своего статуса активисты этнополитических организаций.

Анализ доклада Сакс и ряда заявлений активистов этнических организаций позволяет сделать вывод, что политической целью кампании «поддержки финно-угорских народов РФ» является стремление к эрозии гражданской солидарности россиян, последовательная этническая сегментация российского социума. Навязывание этничности, которое имело место в ряде российских республик в последние 15 лет, сказалось на том, что в массовом сознании ослабло восприятие россиян как целостного гражданского сообщества и усилились ксенофобские настроения, чему свидетельством стали события в карельском городе Кондопога. Дальнейшее сегментирование российского общества по этническому признаку представляет реальную угрозу для гражданского мира и согласия в стране. Активный патронаж над этническими антрепренерами со стороны западных политических спонсоров привел к тому, что лидеры

этнических организаций финно-угров в российских регионах все более уходят от признания общегражданских идеалов, от принятия интеграционных идей как значимых составляющих идеологии финно-угорского движения, и рафинированный этнический национализм становится сущностью этого движения. Во всяком случае, резолюция прошедшего осенью 2005 г. в Москве III Всероссийского съезда финно-угорских народов свидетельствует именно об этом. Чего стоит одно только требование осуществлять весь статистический учет в стране в этническом разрезе²². В полиэтничной стране, где у многих людей двойная и другая сложная этническая идентичность и где многие вообще не склонны идентифицировать себя в этнических категориях, это означает навязывание этничности в ее самых жестких формах.

Именно к этому призывает все содержание доклада Катрин Сакс. Заметим, что своими действиями покровители российских этнических антрепренеров создают условия для «экспорта» этнического национализма в страны Евросоюза, ибо т. н. «финно-угорский мир» включает в себя Венгрию, Эстонию, Финляндию, а также финно-угорские меньшинства в Румынии, Сербии, Словакии, Норвегии, Швеции и в ряде других стран. Эти меньшинства некоторые идеологи не хотят считать органической частью гражданских сообществ названных стран, а считают их естественной составляющей сообществ, которые находятся за пределами национальных границ. Так, идея венгерской культурной нации предполагает

ет, что эта «нация может представлять собой единство без объединения в одном государстве»²³. Под напором подобных этнополитических мифов размываются основы национальных государств и общеевропейская идентичность.

Конструируемый миф о вымирающих финно-угорских народах России имеет в основе только один весомый аргумент – сокращение численности финно-угров в России, если не считать исторические спекуляции по поводу вымерших языков и народов. Но этим же аргументом пользуются и русские националисты, когда говорят о вымирании русских, об ущемлении их «исконных» прав, о засилье «инородцев» в стране. Действительно, демографические проблемы, которые сегодня имеют место в РФ, касаются не только финно-угров. Снижение численности населения – это общее явление для всей страны за исключением нескольких регионов. При этом сокращение численности среди русских действительно одно из самых значительных и ситуация выглядит лучше только за счет миграционного пополнения и ассимиляции, чего не имеет угро-финское население в качестве источников пополнения своей численности. Кстати, из всех постсоветских государств еще в большей степени «вымерло» население Эстонии, Латвии, Украины, Грузии, Армении, Молдовы, но почему речь только о России и даже – только о финно-угорской части ее населения? Более того, как расценить, следуя логике Сакс, проблемы демографического воспроизводства венгров, эстонцев и многих других народов Европы?

ФИННО-УГРЫ В ЕВРОПЕ

В докладе о положении финно-угорских народов упущен еще один важный аспект, который позволяет рассматривать проблему более широко и основательно, – это положение финно-угорских меньшинств в странах ЕС (или кандидатах в члены союза). В частности, речь идет о положении

венгерского меньшинства в Румынии и Словакии, где тоже можно говорить о проблемах языка, школьного образования и административного статуса. Более того, в отношениях между словаками и венграми в последние годы наблюдается эскалация напряженности. Сколь чувствительна сфера

межэтнических отношений, видно на этом словацко-венгерском кризисе. Корни его глубоки, но эта проблема в отношениях между двумя народами, которые являются членами «единого европейского дома», явно замалчивается. В Интернете можно увидеть видеоролик о том, как молодые словаки жгут венгерский флаг и выкрикивают антивенгерский лозунг: «Это наши враги, которые задержались на нашей земле. Такая же участь ждет каждого венгра». 25 августа 2006 г. в г. Нитра хулиганы избили молодую студентку за то, что она говорила по мобильному телефону по-венгерски, а на ее майке намалевали лозунг националистов «Мадьяры – за Дунай». В ответ на словацком посольстве в Будапеште появилась надпись «Мы вам этого не забудем», а венгерские футбольные фанаты во время матчей стали разворачивать транспаранты с призывом сделать словаков «рабами мадьяр»²⁴. Отметим, что проявления воинствующего национализма и расизма в Венгрии происходят все чаще и не только в связи со словацко-венгерскими трениями.

В г. Нитре был не просто криминал, как в случае с марийским активистом Козловым, но почему-то этот случай не послужил поводом для развертывания массовой кампании, лозунгом которой стало бы ущемление финно-угров в странах Евросоюза. А ведь можно говорить еще о проблемах ливов в Латвии, которые реально находятся на грани исчезновения. Крайне необходимо сказать публично о проблеме сету в Эстонии²⁵, ибо их статус и язык вообще не признаются официальными властями страны. В переписи населения Эстонии 2000 г. этноним «сету» даже не был включен в документы переписи и сету не учитывались как самостоятельная этническая группа, что вызвало возмущение со стороны лидеров движения сету²⁶. Обращения активистов движения сету в различные инстанции, включая международные институты, пока остаются без ответа (в России сету/сето признаны как самостоятельная этническая группа). Очевидно, что

помимо проблемы сотен тысяч неграждан в Эстонии и Латвии и помимо скрытой поддержки сторонников фашизма, здесь остро стоят проблемы аборигенных меньшинств, а это значит, что воинствующий национализм приобрел в этих странах системный характер.

Довольно сложная ситуация и с квенами в Финляндии и Швеции: их активисты требуют предоставить данной группе тот же статус, что предоставлен саамам. Квены хотят, чтобы их язык считался самостоятельным, а не диалектом финского. На совещании Консультативного комитета финно-угорских народов в ноябре 2005 г. в Сыктывкаре представители квенов заявили, что их права ущемляются, что квены – самостоятельное этническое сообщество и только таковым его и надо воспринимать. Сегодня и среди части венгерского меньшинства в Румынии усиливается стремление самоопределиваться как самостоятельный народ – чанго, что отвергается властями обоих государств. В чем-то сходные явления есть и в России, где, к примеру, некоторые эрзянские активисты не признают существования мордвы как единого народа и требуют считать две основные группы этого народа – эрзю и мокшу – самостоятельными народами и предоставить каждому из них политическую автономию. Северная группа коми (коми-ижемцы) в последнее время также настаивает на признании за ней особого статуса – статуса коренного малочисленного народа Севера. И эти примеры не единственны²⁷.

Таким образом, в развитии финно-угорских народов России и в положении различных групп финно-угров в Восточной и Северной Европе есть много общего. В этой связи представляется, что ПАСЕ должна была рассмотреть широкий контекст проблемы, а не сосредотачивать внимание на ситуации только в одной стране. Более того, очевидно, что требуется не дилетантский и политизированный подход к анализу названной проблемы, а профессиональная экспертиза. Только на основе такого

рода экспертизы возможно принятие политических решений и деклараций, которые имеют общеевропейское значение. Самое важное во всей этой неприглядной истории, которую инициировали антироссийские интеллектуалы и политики «новой Европы», заключается в том, что именно опыт России по части сохранения, развития и изучения финно-угорских языков и куль-

тур является во многом примерным для остального мира. Именно на этом примере демонстрируется способность государства и общества признавать и уважать этническое многообразие, а представителям разных культур, сохраняя свою идентичность и быть частью единого государственного сообщества под названием российский народ.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- ¹ Тишков В.А., Степанов В.В. Измерение конфликта. Методика и результаты этноконфессионального мониторинга Сети EAWARN в 2003 г. М., 2004; Тишков В.А. Общество в вооруженном конфликте. Этнография чеченской войны. М., 2001; Хоперская Л.Л., Харченко В.А. Локальные межэтнические конфликты на юге России: 2000–2005 гг. Ростов-на-Дону, 2005 и др.
- ² Аллин, Брюс. Учебные программы по урегулированию конфликтов в бывшем Советском Союзе // Национальная политика в Российской Федерации. М., 1993; Шлее, Гюнтер. Управление конфликтами: теория и практика. М., 2004; Этнополитический конфликт: пути трансформации. Настольная книга Бергхофского центра. М., 2007 и др.
- ³ О национализме см.: Национализм в мировой истории / Под ред. В.А. Тишкова и В.А. Шнирельмана. М., 2007.
- ⁴ Финно-угорские народы России: общее положение, проблемы и решения // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М., 2005. Вып. 183.
- ⁵ Архив Информационного центра финно-угорских народов // www.finugor.ru
- ⁶ Тишков В.А. Как делаются провокации (по поводу положения финно-угорских народов России) // Бюллетень сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. №59. Январь–февраль 2005 г.
- ⁷ Архив Информационного центра финно-угорских народов // www.finugor.ru
- ⁸ Шабаев Ю.П. Идеология национальных движений финно-угорских народов России и ее восприятие общественным мнением // Этнографическое обозрение. 1998. № 2.
- ⁹ Финно-угорские и самодийские народы России: Статистический сборник. Сыктывкар, 2006. С. 236.
- ¹⁰ О тюркских народа Сибири см.: Тюркские народы Сибири / Отв. ред. Д.А. Функ, Н.А. Томилов. М., 2006.
- ¹¹ Александров О. Роль Республики Карелия во внешней политике и политике безопасности России: Млы междунар. исслед. проекта // Россия перед глобальными вызовами: панорама региональных стратегий. Нижний Новгород; Цюрих, 2002.
- ¹² «Зеленые» обвиняют финнов в незаконных рубках леса // Независимый финно-угорский портал «Коми народ»/Online-газета/Статьи//www.kominarod.ru
- ¹³ Тишков В.А. Культурное многообразие в современном мире // Этнографическое обозрение. 2005. № 1.
- ¹⁴ Доклад о человеческом развитии. 2004. Культурная свобода в современном мире. М., 2004. С. 71.
- ¹⁵ См.: Народы Западной Сибири / Отв. ред. И.Н. Гемуев, В.И. Молодин, З.П. Соколова. М., 2005.
- ¹⁶ Тишков В.А. Национальности и национализм в постсоветском пространстве (исторический аспект) // Этничность и власть в полиэтнических государствах. М., 1994. С. 15.
- ¹⁷ Шабаев Ю.П. Этносоциальные последствия объединения регионов (из опыта формирования Пермского края) // Социологические исследования. 2006. № 3.
- ¹⁸ Полуянов Н.А., Шабаев Ю.П., Мальцев Г.И. Коми-Пермяцкий автономный округ: проблемы социально-экономического и национального развития. М., 2000.
- ¹⁹ Шабаев Ю.П. Нефть и политика на Европейском Севере РФ // Бюллетень сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов № 67. Май–июнь 2006. С. 18.
- ²⁰ Шабаев Ю.П. Логика противостояния // Бюллетень сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов № 60. Март–апрель 2005. С. 50.
- ²¹ Конюхов А.К., Кузванова О.Ю., Марков В.П., Цыпанов Е.А. Современная этнолингвистическая ситуация в Республике Коми (по результатам социологического исследования) // Межнациональные отношения как фактор стабильности в многонациональном регионе. Сыктывкар, 2003.
- ²² Шабаев Ю.П. III съезд АФУН: назад в будущее // Бюллетень сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов № 63. Сентябрь–октябрь. 2005.
- ²³ Киш Я. Вопрос о меньшинствах в новом мировом порядке // Центрально-Европейский ежегодник: Сб. статей и документов. М., 2003. С. 277.
- ²⁴ Шевченко К. Война славян и финно-угров // Независимый финно-угорский портал «Коми народ»/Online-газета/Статьи//www.kominarod.ru
- ²⁵ Алексеев Ю.В., Манаков А.Г. Народ сету: между Россией и Эстонией. М., 2005.
- ²⁶ Сарв, Ёле. Выступление // III Всемирный конгресс финно-угорских народов. 11–13 декабря 2000 г. Хельсинки, Финляндия. Йошкар-Ола, 2001. С. 65.
- ²⁷ Шабаев Ю.П. Новые идентичности у финно-угров как политические инструменты // Этнографическое обозрение. 2006. № 1.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1

Доля лиц с высшим образованием среди финно-угорского населения России,
2002 г. в % к 1989 г.*

	Мужчины	Женщины
Карелы	114	133
Коми	116	138
Коми-пермяки	129	148
Манси	182	2 раза
Марийцы	139	179
Мордва	132	156
Удмурты	131	162
Ханты	186	2,4 раза

*Источник: Финно-угорские и самодийские народы: Стат. сборник. Сыктывкар, 2006.

Таблица 2

Число студентов на 1000 жителей среди финно-угорского населения России по данным
переписи населения 2002 г.*

	Общая численность в РФ	Общее число студентов	Число студентов на 1000 человек
Карелы	93344	1618	17
Коми	293406	6409	22
Коми-пермяки	125235	2808	22
Манси	6265	254	42
Марийцы	604298	15221	25
Мордва	843350	15191	25
Удмурты	636906	11730	18
Ханты	28678	832	18

*Источник: Финно-угорские и самодийские народы: Стат. сборник. Сыктывкар, 2006.

Расчет по основному источнику доходов позволяет учесть только часть студентов и числа финно-угров, поскольку далеко не все из них получают стипендию и стипендия для многих не является основным источником дохода, ибо многие студенты имеют побочный заработок, а ряд из них вообще обучается на коммерческой основе. Можно допустить, что данный способ расчета учитывает около половины всего количества студентов или несколько более. В таком случае доля студентов среди финно-угров РФ равна средним показателям по России.

Таблица 3

Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата, в рублях

	1998 г.	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.
РФ	1051,5	1522,6	2223,4	3240,4	4360,3	5498,5	6739,5	8554,9
Карелия	1227,8	1856,9	2559,0	3412,8	4653,1	5692,0	6935,1	8730,3
Коми	1698,8	2417,2	3558,6	5177,7	6505,8	7884,2	9481,5	11612,1
Марий Эл	588,8	857,4	1164,8	1656,9	2401,5	3105,8	3783,7	4938,2
Мордовия	566,1	777,6	1107,6	1635,8	2444,1	3251,6	4013,6	5060,7
Удмуртия	826,7	1157,6	1741,5	2594,8	3444,6	4349,9	5130,5	6373,3
КПАО	582,2	814,0	1180,2	1608,1	2389,0	2846,2	3536,3	4595,0
Ханты-Мансийский АО	3233,4	4838,6	8492,2	12590,0	14634,0	17209,3	19660,0	22828,5

Таблица 4

Площадь жилищ, приходящаяся в среднем на одного жителя, кв. метров общей площади*

	1990 г.	1995 г.	2000 г.	2003 г.	2005 г.
Карелия	17,3	19,0	20,0	21,8	22,4
Коми	16,1	17,3	19,6	22,2	22,6
Марий Эл	15,3	17,3	18,8	20,2	20,8
Мордовия	17,3	19,0	19,5	21,1	22,0
Удмуртия	14,2	16,0	17,0	18,1	18,4
КПАО	14,5	15,1	15,9	17,3	17,5
ХМАО	13,3	15,5	16,6	16,9	17,5
РФ	16,4	18,0	19,3	20,2	20,9

*Источники: Финно-угорский мир. Стат. сборник. Сыктывкар, 2004. С. 24; Данные текущей статистики.

Таблица 5

Число легковых автомобилей на 1000 человек населения (на конец года)

	1990 г.	1995 г.	2000 г.	2005 г.
РФ	58,5	92,3	130,5	169,0
Карелия	56,4	112,4	155,2	193,0
Коми	46,0	78,2	110,5	151,0
Марий Эл	38,9	52,4	77,1	107,0
Мордовия	40,5	55,1	79,6	109,0
Удмуртия	52,4	73,5	112,2	148,0
КПАО	22,8	18,0	29,5	58,9
ХМАО	56,7	144,5	201,6	225,0

Таблица 6

Численность студентов высших учебных заведений (на 10 000 человек населения)*

	1990 г.	1995 г.	1998 г.	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.
Карелия	125	133	158	196	224	249	312	321
Коми	84	109	127	143	174	198	282	337
Марий Эл	199	184	240	266	298	329	374	392
Мордовия	227	259	294	309	328	350	410	468
Удмуртия	149	168	228	265	320	367	415	441
КПАО	–	–	13	16	20	20	49	70
ХМАО	–	29	74	84	98	110	206	301
РФ	190	189	247	279	327	376	415	448
Эстония	165	267	280	344	370	–	–	–

*Источник: Финно-угорский мир. Стат. сборник. Сыктывкар, 2004. С. 24.

Таблица 7

Число мобильных телефонов на 1000 человек*

Регион	2005 г.
РФ	865,0
Карелия	834,3
Коми	759,0
Марий Эл	819,1
Мордовия	549,8
Удмуртия	732,8
ХМАО	993,6
КПАО	–

* Источник: Российская газета. 6 сентября 2006 г.